

ТАЙНА ЕСЕНИНА

Окончание. Начало на стр. 8–9

сий о смерти поэта и подтверждало, что кто-то до нашего времени заинтересован в фальсификации истории.

В НАШИХ встречах и разговорах с Александрой Есениной вопрос о смерти Сергея Александровича не поднимался. Только в середине девяностых годов племянница поэта Светлана Петровна Есенина сообщила мне, что перед кончиной мама просила позвать руководителя есенинского общества, поскольку она должна сказать ему что-то “очень важное”. Тот руководитель, однако, по его словам, был очень занят. “Мы спросили маму, не может ли она передать нам то, что знает. “Нет, даже вам я не могу это сказать”, — ответила она. Вскоре она скончалась. Можно лишь предполагать, что кто-то сообщил ей важнейшие обстоятельства смерти ее брата.

Наши с ней беседы в последние годы касались главным образом жизни поэта, житей-бытия в Константиново, где после стольких лет забвения открылся мемориальный комплекс Есенина. Мне не терпелось увидеть его, да и всю их семью, с которой я не виделся много лет. Около десятка лет приходилось работать корреспондентом за рубежом, сперва от “Известий” в Италии, затем от “Литературной газеты” во Франции.

И вот уже в сумерках я останавливаю машину, въехав в село. Спрашиваю, где здесь Есенины, и оказывается, что я подъехал к самому их новому дому. Этот дом явился подарком семье поэта от рязанских властей. Наконец, после стольких лет власти признала его значение для родины. Заслуга здесь принадлежала, конечно, не столько критике и отдельным писателям, а прежде всего самому Сергею Есенину, с его природным талантом, и народу, который в отличие от некоторых критиков принял его поэзию как свою, без колебаний и несмотря на запреты изданий, осуждение “есенинщины” и подобные препоны. Да и власти стали чуть просвещеннее... Но тут мы пасуем. Угадать, что думали в тот или иной период власти, нам не под силу.

Во всяком случае, во многих местах Советского Союза стали проходить тогда есенинские чтения, издаваться Есенин стал тиражами, о которых другие мэтры от поэзии только мечтали.

Я отворил калитку и начал спускаться по тропинке. Первым я увидел Шурика. Как и в детстве, он был басовит, жилист, с оттопыренными ушами, словно забыл постареть с тех пор, когда мы играли с ним во дворе дома в Брюсовском переулке или встречались на Беговой. Родители были тут же. Петр Иванович Ильин, худой и мещинистый, с еще более глубоким басом, чем у сына, и чем-то озорным и мальчишеским в характере несмотря на свои семь десятков лет. Тетя Шура, она же Александра Александровна Есенина встретила на уютной террасе чаем с клубникой, только что собранной на огороде.

— Оку видел?

— Нет еще.

— Сходи, Шурик. Покажи ему.

Дядя Петя тоже собрался с нами и побряхывая от своей язвы, впрочем уже привычной, повел вглубь участка. Миновали несколько яблонь, сарайчик. Дошли до калитки. Вместе с нами трусил Степа Светланович, помесь фоксика и болонки, забавная черная бестия, лохматая и умноющая. Приобретен он был сестрой Шурика Светланой, откуда унаследовал и отчество. В Константиново находился под двойным командованием Шурика и Светиново сынишки Ивана, белокурого, подвижного, похожего на своего известного родича.

Мы отворили калитку и встали над Окой. Она серебрилась бесконечно, излучина за излучиной, старица за старицей. С высоченного откоса угадывалась ширь невероятная. Я решил сюда навеститься поутру с фотоаппаратом.

... В четыре утра солнце поднялось и застыло над рекой. Пионы в саду стояли сонные. Крыжовник наливался словно зеленой росой. То, что в сумерках угадывалось, теперь яселось во всем великолепии. Вот она, матушка Ока, с заливыми лугами, синими лесами Мещеры. Светило разматывало над топами шапку туманов.

Вблизи все было музыкально четко — частокот огородов, выбежавших на откос, силуэт хозяйственного сарая с телегой возле него, церковь в лесах. К ней пристраивали колокольню и придел, порушенные в горячие годы по недомыслию. Через километр по склону темнели липы села Кузьминского, в котором учился молодой Сергей Есенин. Всего к Оке примостилось подряд пять сел, переходящих одно в другое и похожие друг на друга — с широченными улицами, изборожденными колеями, отороченными копенками сена под поливинилом.

Улицы оживали, хозяйки выгоняли овец. Петухи давали ценные указания курам. Обойдя церковь, я полюбовался светло-зеленым домиком помещицы Кашириной. По Есенину — Анны Снегиной, которой на заре молодости увлекался красивый деревенский мальчик с золотыми кудрями. Дальше улица была уже заасфальтирована.

Когда я вернулся, Шурик еще спал. Он протер глаза, забасил, что долго не мог уснуть (мы договаривались порыбачить), потом взял удочки и мы спустились под откос. Здесь пряталась константиновская пристань. У Шурика, на правах племянника поэта, была здесь своя лодка. А в банке — аппетитные выползки, которыми он собрался соблазнять окуней. Соблазн оказался действенным. Мы вернулись со связкой вполне солидных окуньков. Шурик заключил —

— На уху хватит.

После завтрака Петр Иванович и Александра Александровна повели меня в музей. Среди разросшихся кустов он глядел светло-серыми глазами на улицу. Вполне рядовой крестьянский дом. Построен он был в 1929 году, когда Есенина уже не было в живых. Здесь проживали родители поэта, а потом Петр Иванович с Александрой Александровной.

— На этой печке я читал зимой. Утаскивал за провод лампочку и там, в тепле, глотал книжки, — поясняет Петр Иванович. — А это — он показывает налево — шушун. Это о нем в “Письме матери” Есенин говорил:

**Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.**

Темный тулупчик с длинными полами из овчины здесь, рядом со входом, висел такой обыденный, лишенный поэтичности. А во второй половине избы — костюм самого Есенина, модный, с иголки. А с ним соседствовал стек. Не о том ли костюме писал поэт, когда переживал возвращение в родные края и зуд в руках позвал его к косе?

К черту я кидаю свой костюм английский...

— Французский, — немного смущаясь говорит Есенина. — По крайней мере марка там парижская.

Она сама и передала сюда этот костюм, который хранила как семейную реликвию. Два костюма из одной семьи — шушун и франко-английский сюртук. Между ними разрыв, похожий на разрыв между двумя берегами Оки, разрыв города и деревни, России и Запада.

Как-то я спросил Ванессу Редгрейв, актрису, исполнявшую роль Айседоры Дункан в западном фильме о Есенине, что она знает о нем.

— Видимо, это был необузданный и грубый человек.

— А вам известно, что это был нежнейший и самый лиричный поэт России?..

Обаятельная и культурная женщина, прекрасно, кстати, сыгравшая Айседору, этого не знала. Но это уже не ее вина. Есть расстояния, которые преодолеть трудно. Есенин, взлетев на высоты поэзии, хотел, чтобы его читала и понимал вся Россия. Ему стремились подпалить крылья, но подлость летает низко. А тут, над константиновским откосом, захватывает дух. Отсюда видна та Россия, которую он не стыдился и не переставал любить. Это о ней строки, написанные еще в 1914(!) году:

**Если крикнет рать святая
“Кинь ты Русь, живи в раю!”
Я скажу: “Не надо рая,
Дайте Родину мою”.**

С константиновского берега я следил, как к пристани подходили сразу четыре белоснежных парохода, которые на правах хозяина вел “Сергей Есенин”, флагман и все четверо швартовались борт о борт. Туристы со всей России высыпали на берег, преодолевали крутой косогор, влекомые любовью к народному поэту.

Такая картина возникла передо мной четверть века назад, когда были устранены основные несправедливости к есенинскому наследию. Петр Иванович Ильин рассказывал, что приехали из области даже ученые, которые лечат те немногие деревни, которые остались от поры, когда Сергей Есенин ходил по этой земле.

Н ЫНЕ, после смерти последнего звена семьи, помнившего поэта, важной становится постоянная забота о памяти Есенина в общероссийском масштабе. В Рязани реставрируют дом 1929 года, где умер отец Есенина. Но как посетовала племянница Есенина Светлана, делается это без учета сохранения подлинности облика. Сама она вместе с филологом Штраковой, тоже Светланой, и архитектором Тавризовым в 1995 году создала музей Есенина в восстановленном по документам доме, где жил отец поэта в Москве (Большой Строченовский пер. дом 24), недалеко от Павелецкого вокзала. Я побывал там не однажды. Это очень поэтичный и достойный музей. Туда валом валят посетители со всех концов России. Это отражает тягу людей к тому, что связано с именем и творчеством великого поэта.

Но до сих пор остается нерешенной проблема создания в Москве литературного музея Сергея Есенина. Последнее прижизненное прибежище поэта занимали долгое время Мариенгофы. Потом оно ушло в частные руки. Видимо, не решат задачу попытки создавать частные музеи поэта, как бы ни были искренними эти инициативы. Есенин — колоссальная фигура русской поэтической культуры, ее непреходящая национальная ценность, уважение к которой поможет нашему самосознанию и восстановлению того, что хотели вытравить из нашего государства и народного духа некоторые люди.

Пока главной жемчужиной остается и, видимо, долго еще останется его село Константиново. Там зримо соединено то, что сливалось для него воедино — необозримая даль Оки, несказанный свет закатов и восходов, родительский дом, Родина. Каждый год в октябре в Константиново съезжаются поклонники Есенина отметить дату его рождения, рождения таланта, отданного России ради нынешних и грядущих поколений.

Лоллий ЗАМОЙСКИЙ